

Michael S. Gorham

Майкл Горам, известный американский славист, написал книгу о состоянии русского языка после Перестройки, которую он назвал “После новояза”. Очевидно, что под новоязом имелся в виду тот особый политический и бюрократический вариант русского языка, который возник в советский период и стал одним из прообразов “новояза” в антиутопии Джорджа Оруэлла “1984”. При этом интересы Горам шире и глубже, нежели просто лингвистические. Как признается сам автор, он “документирует судьбу и роль русского языка в крушении Советского Союза и в реформах и национальном восстановлении, последовавших за этим” (С. Х в Предисловии). В этом, безусловно, есть большая смелость. Описание неродного языка, меняющегося в ситуации национального цивилизационного коллапса, требует от ученого не только безупречной логики, но и проницательности и интуиции. В целом автор этим требованиям удовлетворяет.

Горам задает целый ряд глобальных вопросов, которые он кладет в основание своего

Michael S. Gorham

After Newspeak:

Language, Culture and Politics in Russia from Gorbachev to Putin

Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014.

исследования. Среди них:

- Почему вопросы языковой нормы поднимаются на принципиальную высоту и связываются с властными символами особенно во времена радикальных политических и социальных изменений?
- Кто является влиятельными фигурами в дискуссиях о языковых изменениях?
- Как они формируют мнение общества о том, что правильно и неправильно в письменной и устной формах языка?
- Как меняется отношение общества к языку, и прослеживается ли в этом какая-либо логика?
- В чем национальная специфика отношения общества к языку и как она соотносится с более глобальными темами, прежде всего, что означает быть русским?

Майкл Горам постулирует три силы, заложенные в фундаменте отношений между языком и другими социальными и культурными феноменами, в первую очередь политикой. Это идеология, экономика и технологии языка.

К сожалению, иногда ориентация в чужом

культурном и языковом пространстве дает сбой. Например, несколько страниц в самом начале книги посвящены слову *политконкретность* (автор возвращается к нему еще несколько раз), которое стало антисловом года в конкурсе, проведенном впервые в 2007 году по инициативе Михаила Эпштейна и в дальнейшем ежегодного. Это слово было придумано Ольгой Глазуновой, исполнительным директором Центра творческого развития русского языка, основателем которого также стал М. Эпштейн. Сегодня Google находит это слово в 111 документах (в большинстве своем это отсылки к уже указанным авторам), что все-таки слишком мало для того, чтобы считать существительное *политконкретность* существующим в русском языке. В этом конкурсе много слов, придуманных по случаю, остроумных и не очень, но, главное, совсем не употребительных, и всякий раз выявление таких авторских окказионализмов представляет определенную проблему. В результате несуществующему слову в книге “After Newspeak” уделяется слишком много внимания, а из его анализа Майкл Горам к тому же делает важные выводы о значительном различии политической культуры в России и США. Но это скорее разовый, хоть и обидный, недочет.

Главы этой книги посвящены очень разным проблемам и разным политическим эпохам, хотя весь период времени не превышает трех десятков лет. В первой главе рассказывается о советском наследстве — двух отчасти противоположных тенденциях языкового развития. Первая связана с культурой речи (и даже общей культурностью), в основе которой лежит великая русская литература XIX века. Второй же тенденцией стала бюрократизация и клиширование языка, идеологическая риторика как стандартный язык политической практики. Именно этот комплекс был позднее назван “советским языком”, или, с легкой руки Корнея Чуковского, “канцеляритом”. Собственно, это и есть тот новояз, от которого автор отталкивается в названии книги.

Во второй главе Горам обращается к эпохе гласности, подробно анализирует само слово *гласность*, а дальше рассматривает два кейса, связанных с ключевыми событиями

конца 80-х годов: 19 Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза и I съезд народных депутатов СССР. Автор последовательно фиксирует, как новые риторические стратегии либерального меньшинства берут верх над косноязычием консервативного большинства.

В третьей главе обсуждается свобода слова (в различных толкованиях этого феномена), появившаяся в результате ослабления государственного контроля. Свобода слова оказалась связана, в том числе, и с падением языковых авторитетов и престижа нормативной литературной речи. По сути, речь идет о проникновении в публичную речь просторечия, жаргонизмов и заимствованных слов.

В четвертой главе рассматриваются противоположные тенденции, возникшие как реакция на “свободную речь”, воспринимаемую в качестве угрозы литературному языку. Охранительные стратегии, выражающиеся в языковом пуризме, напрямую связывали “загрязнение” языка с угрозой национальной идентичности и выдвигали уже привычные требования “чистки” языка. Особое внимание Горам привлекает расцвет лингвистических колонок и передач в СМИ, прежде всего на радио. Речь идет о языковой рефлексии, причем не только экспертов, но и неспециалистов. Исследовательские попытки и рассуждения последних получили в последнее время название “народной лингвистики”.

Отмечая ограниченное влияние политического регулирования языковых проблем, в пятой главе Горам переходит к рассмотрению более тонких и неформальных механизмов. Речь идет о роли языкового образца в целом, а в частности о влиянии речи президента Путина на современную ему речевую практику и нормативную практику. Автор делает акцент на стремлении Путина использовать русский язык и культуру как инструменты для создания и развития идеи “Русского мира”, призванной укрепить чувство патриотизма и объединить всех русскоговорящих (“соотечественников”).

Наконец, в шестой главе Горам переходит к рассмотрению новых технологий (речь, конечно же, идет прежде всего об интернете) и их влиянию на языковую культуру сегодня.

няшной России. Здесь снова сталкиваются противоположные тенденции. С одной стороны, интернет, блогосфера и социальные сети должны служить проникновению русского языка в общее пространство и тем обеспечивать создание упомянутого выше “Русского мира”. С другой стороны, происходит обособление России в интернете, создание границ, или, говоря метафорически, “кибер-занавеса”. Противостояние государственного контроля и вольных устремлений пользователей интернета на сегодня является одной из важнейших социально-культурных проблем, и исход его предсказать трудно. Возможно, именно в интернете процессы создания гражданского общества продвинулись дальше всего.

Подводя итог, Майкл Горам пишет, что “лингвистические инновации имеют тенденцию ускоряться в менее стабильные периоды истории, и степень успеха любого термина, речевого стиля или дискурса зависит от степени резонанса с обществом” (С. 192). Он снова обращается к противостоянию свободы языка и речи и охранительных тенденций. Говоря о перспективах, автор достаточно оптимистичен и основывается на развитии новых технологий и росте числа их пользователей. В частности, он замечает, что количество посетителей Яндекса уже превосходит аудиторию Первого телевизионного канала.

Книга Горам во многом созвучна идеям, высказываемым определенным кругом российских лингвистов. И здесь надо отметить, что автор прекрасно ориентируется в российской лингвистической литературе, одинаково точно и к месту цитируя и лингвистических консерваторов, и либералов.

Хотя, естественно, книга “После новояза” ориентирована на американского, или шире — иностранного, читателя, ее польза для российских лингвистов очевидна. Возможно, какие-то объяснения покажутся избыточными или тривиальными (просто в силу нашей погруженности в собственный культурно-языковой контекст). В конце концов, их можно пропустить. Но вот такой широты взгляда, бесстрашных обобщений и установления актуальных связей языковых и цивилизационных изменений нам постоянно не хватает. Перефразируя известную цитату,

можно сказать, что за деревьями мы не видим леса, возможно, еще и потому, что мы находимся внутри, в самом лесу. В этом смысле дистанция, неизбежно возникающая у иностранного и иноязычного лингвиста, дает ему неожиданное преимущество. Ему легче увидеть лес, хотя в отношении конкретных пород конкретных деревьев он может и ошибаться.

Не менее важным оказывается и эмоциональная невовлеченность иностранного лингвиста в языковую дискуссию о современном состоянии русского языка. Отечественные дискуссии в конечном счете всегда сводятся к тому, хороши или плохи изменения, произошедшие в языке и речи в последние десятилетия. И даже профессиональные лингвисты, ставя вроде бы рациональный диагноз, часто не могут удержаться от эмоциональной оценки происходящего. Для современной мировой лингвистики понятия “порчи”, “деградации” языка, его “чистоты” или “загрязнения” кажутся абсурдными и невозможными в научном дискурсе. Более того, соответствующие словосочетания на некоторые языки даже затруднительно перевести, настолько эти термины непривычны и неупотребительны по отношению к языку.

И российское общество, и власть, и отчасти лингвисты, привыкшие к стабильности и контролируемости языка и связанных с ним процессов, к постоянству языковых авторитетов, оказались в растерянности, когда все это было утрачено. Речевая свобода, новые коммуникативные сферы и стратегии, новые коммуникативные технологии, влияющие на язык, не создали проблем для самого языка. Русский язык приспособился к новым условиям существования и используется практически во всех сферах. А вот многие носители русского языка и русской культуры так и не смогли смириться с этими изменениями и находятся в постоянном разладе с современностью и с собственной речью. Едва ли книга Майкла Горам может кому-то помочь преодолеть такой разлад, но по крайней мере она его анализирует.

Максим Кронгауз